





КАДР ИЗ ФИЛЬМА ГОДАРА "АЛЬФАВИЛЬ"

## ЭТИ ПРОТИВ ТЕХ

Господа! Свершилось. У итальянских Красных Бригад и ирландской Республиканской Армии появились последователи — здесь, у нас, в белокаменной, — эдакие террористы от искусства — движение "ЭТИ" (расшифровывается как "Экспроприация Территории Искусства"). "Кинофестиваль", проведенный ими в Доме Медика, посетила весьма рафинированная публика — фильмы ей, видите ли, захотелось посмотреть, по Годару да по Трюффо она соскучилась. Не тут-то было! Хотите Годара — терпи Осмоловского. Годара показать и дурак может, а вот публике в рожу плевать — только крутой авангардист.

Впрочем, "беспленочные фильмы", сиречь акции, которыми сопровождался всякий фильм режиссеров "Новой волны", были порой вполне невыными даже заняты: ну, раздали публике коробки детского питания "Крепыш" с автографом бывшего мальчика, на них изображенного. Ну, выдали по пятерке за билет после фильма (десяти зрителям досталось), создали ажготаж — ну и что? Ну прервали фильм Годара показом трех голых спи со свастиками... (Народ в зале, правда, все равно орал: "Ребята, а может, вы потом?").

Зато 17 ноября было интересно. Публика не дала Осмоловскому дочитать сценарий замечательного фильма "Боже, храни Президента!", "захлопала его": кино давай! Осмоловский заорал: "Молчать! Козлы!", из зала отвечали... Очень смешно выглядел в таком "контексте" призыв Г. Степанова (он же Г. Гусаров) к гражданскому согласию и к соблюдению правил игры. Фильм все-таки показали. Зато по окончании его Осмоловский снова завелся: "В зале сидят козлы! ("Козлы" и "Молчать!" шли рефреном) Все фильмы — наша собственность, и делать мы тут будем все, что захотим! А теперь — пошли все вон!" Было очень страшно. Ведь Осмоловский-то и в морду дать может. О нем ведь легенды ходят. Да, впрочем, сам он их и сеет.

В воздухе витал приторный дух скандала.

Вот это мы понимаем. Вот это действительно свежая струя в затхлому омуте отечественного искусства. Суперавангард! (Правда, все это, где-то и как-то, уже было, и давненько, но это уже детали). Страна просыпается! Наша молодежь всем еще покажет!

Финальная акция 25 ноября была очень веселая. Под завязку на сцену вывалилась вся честная компания, дрались бутылками, размазали по сцене и отчасти по зрителям-торт-выкатили велосипед, автомобильные покрышки — потом все это поладало, смешалось, исчезло под большой черной сетью — и состоялся выход "твоя звезда программы" — большого бурого медведя... Жаль только, что эта чудесная акция сожрала самую занятную сцену фильма "Зазн в метро" — на экране уже ничего нельзя было разобрать. Удалось-таки экспроприровать... И скандальный миф создать удалось. Пресса всякая солидная заинтересовалась, в том числе зарубежная.

А вот мнения господ искусствоведов, посетивших акцию.

СЕРГЕЙ КУСКОВ: "Вообще говоря, такой левый радикализм нужен, так как он дает экстремальную точку на карте Москвы. Но и до этого они пока по-настоящему не дотягивают..."

МИХАИЛ БОДЕ: "Да-а... Экзистенциалистский дух фильмов "Новой волны" в совокупности с натуажным эпатажем дает такую киксу,

такую киксу, которую впору простить лишь провинциальному оркестру..."

МИЛЕНА ОРЛОВА: "Детские игры с недетской посредственностью" Ну что ж... На головы авангардистов всегда летели камни, как малы, так и великие...

А вот — Гриша Гусаров — Веронике Боде: "Не нравится, что ли? Да ты что?! Вы что, ребята! Это же новый виток в искусстве!!! Страна просыпается! Молодежь просыпается! Пиши, пиши в свой блокнотик: "страна просыпается!"

Я, как видите, все записала, как велено. Можно сказать, под дулом пистолета. А то — не ровен час... или — не дай Бог..."

В. Боде



А. ОСМОЛОВСКИЙ ТОЛКАЕТ ВСТУПИТЕЛЬНУЮ РЕЧЬ.

А. ОСМОЛОВСКИЙ.

Из речи на открытии "фестиваля"

(Лицо авангардиста в момент произнесения речи было густо покрыто красной краской): "Мы решили не заниматься искусством, мы решили заниматься политикой. Но, так как мы художники, мы будем заниматься политической нетрадиционным способом. Мы будем добиваться того, чтобы большевики сдали власть. Но вся трагедия в том, что мы не знаем, какая возможна альтернатива тому убожеству, которое царит сейчас у нас в стране. И то, что происходит на Западе, стремление к постиндустриальному обществу — не панацея. Мы принципиально против капитализма. У Пригова есть такой текст: "Женись, Попов, а мы посмотрим, присмотримся со стороны!" Вот такая наша позиция по отношению к идеологии, будь она коммунистическая или капиталистическая..."

А. Осмоловский

## КИНО ЭТИ

ЛОВЕК В ИЗЛИШКЕ. ЛИШНИЙ ПРЕДМЕТ ЕСТЬ СИМВОЛ ИСТИНЫ.



АКЦИЯ "ДОСЛОВНЫЙ ПОКАЗ МОД В 1990 ГОДУ"

## ЦЕНТРОСТРЕМИТЕЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ

Еще одно интервью с лидером ЭТИ Жаном-Люком Годаром (Анатолием Осмоловским)

(текст интервью с согласия автора интервьюируемого адаптирован к интеллектуальной аудитории. Пропущены матерные слова, непонятные жаргонизмы (типа: мокрый бриз под ребро и полкучи с нюха...), а также некоторые сложные структуралистические термины.)

— Анатолий...  
— Меня зовут Эрик.  
— Эрик...  
— Я пошутил, меня зовут Толик.  
— Толик, почему именно ретроспектива французской «Новой волны»? И не кажется ли Вам, что Ваши навязчивые внедрения во время просмотра фильмов разрушают авторский замысел и ущемляют авторские права создателей?

— ЭТИ не признают авторские права, и мне наплевать на ущемление чьих-то там прав. Я знаю одно, леворадикальное кино сейчас мифологизировано и превратилось в некое подобию культурной иконы интеллектуалов, а в свое время «Новая волна» была самой разрушительной тенденцией в киноискусстве. Убеден, Годар записал бы от восторга, узнав, что творят с его фильмами, ведь он до сих пор молодых, крутых режиссеров, с той же злостью относящихся к социуму, как и он. Что же касается, собственно, внедрений, то мне интересна сама идея кино-театра, в буквальном прочтении. Мне безразлично благоговение интеллектуалов перед Годаром, даже не безразлично, а противно.

— По Вашему пафосу можно заключить, что Вы авангардист классического склада.

— Я — ЭТИ, а это принципиально иное. Сейчас мне близки фигуры Дюшана, Бретона, Маяковского, Аркадия Северного. Завтра, кто знает, Энди Уорхол, очень знакомая фигура, Хэринг, Стейнбах, Бойс. Пока я меняю свою фамилию на Жан-Люк Годар, документы в милиции. потом, может быть сменю на какую-то другую...

— Меняете фамилию?!  
— Да, в ментовке меня за сумасшед-

шего признали. Вообще с этим очень много сложностей, и практических, и моральных, но сам факт очень занятен, хотя повторяю: ЭТИ — человек свободный от всяческих амбиций.

— В андеграунде Вы известны своими скандальными жестами: драками, сквернословием в общественных местах и т.д. Вы больше ничего не умеете...

— Моя большая мечта поплевать с высотного здания на Котельнической. Это, э-э-э... Роттен любил поплевать с небоскребов. Обожаю повторять чужое.

— Считают, что Вы устраиваете все эти драки только потому, что ничего не можете создать.

— Очень точно сказано — «эти драки», можно сказать больше на одну букву эти дураки. Между прочим, практически никто не знаком с нашим творчеством — моим и моих друзей, а нас целая банда, человек десять, мы работаем практически во всех областях, практически в любой эстетике. Например, в рамках ВШВС /высшая школа вульгарного структурализма/ несколько месяцев функционирующей на журфаке МГУ, мы занимались разработкой структуралистской теории. В этот период я написал несколько текстов. Например, классическим текстом экспроприации можно считать «Принципы киномонтажа Жан-Люка Годара в действии». Это произведение нечто среднее: поэзия, критика, проза. Вообще-то полимпсест. Правда, из-за излишней герметичности, он не предназначен для массового читателя.

С другой стороны, сейчас у нас доминирует постпоп поэзия: песни и стихи, замешанные на «Секс Пистолз» и Аркадии Северном:

Тому не страшен СПИД,  
Кто с президентом спит.  
или  
Надевши импортный гандон  
Мой... с рогами как троллейбус  
Сейчас его засуну в дырку  
Вот это будет...

/поется на мотив «Шаланды полные кефали»/. Один и тот же автор — Рональд Рейган. Что же касается «этих драк», то эта деятельность лежит в области лайф-арта, создания индивиду-

ального мифа. Вообще-то Кира Муратова осуждает меня за излишний цинизм, ей более органичен другой образ, всякое там православие и прочая. Но ЭТИ — человек изменяющийся, так что драки, это, конечно, интересно и весело, но можно попробовать что-то другое. И не обязательно в области экстремистского дискурса. Тем более, что это уже история. Самый яркий документ этого периода — красная Книга «РРР» /Революционно-Репрессивный Рай/...

— Близка ли Вам панк-культура?

— Как одна из составляющих Эти, несомненно, но больше всего я люблю апельсины...

— Апельсины?

— Да, марокканские апельсины...

— Есть ли у ЭТИ исторические предшественники?

— М-м-м... Розанов — ЭТИ по убеждениям... Фернандо Пессоа — ЭТИ по жизни... Джерри Рубин — ЭТИ в политике, Кокто — ЭТИ в действии, Шерри Левайн — ЭТИ полчаса тому назад, Дада — ЭТИ в дада, остров Итуруп — ЭТИ в океане...

Что же касается современного советского искусства, то андеграунд — это кучка дураков, которые договорились считать себя умными, а чтобы убедительней выглядело, установили ранжир: вот умный, вот не совсем, вон там совсем монстр, а вот идиот. Дураки уши развесили и слушают.



АКЦИЯ “ДОСЛОВНЫМ ПОКАЗ МОД В 1990 ГОДУ”

Между нами и ими лежит целая эпоха под названием рок-н-ролл. О чем можно говорить если их приводит в шок творческий акт Вишоза, когда он заколот свою любовницу булаваками до смерти и после повесился сам...

К слову сказать, сейчас пожалуй только мы наиболее яркие, интересные персонажи из молодых художников, андеграундская мафия это подсознательно чувствует, поэтому и бегит. Ведь они боятся конкуренции, боятся долларов недобрать...

— Чем Вы собираетесь заниматься в ближайшем будущем?

— Главное направление — уличные акции-демонстрации и политическое кино. Самая непопулярная в андеграунде тема, все мараться боятся, а мы абсолютно ничего не боимся.

— Соц-арт?

— Совсем нет, настоящее политическое кино. Одна лента против коммунистов, другая против жидов, третья за здоровый нравственный образ жизни. Без тени иронии. мы лишь скромные регистрирующие аппараты, как говаривал «холодильник без пальцев» Андре Бретон. Кроме того, готовим перманентный фестиваль на 91 год «Маневры бунтующей молодежи». Сейчас ищем потенциальных участников и спонсоров. Возможно, запустим свой музыкальный проект «Тхе Битлз»...

— До свидания.

— ... ..?

— Нет, нет, что Вы!

## ИЗ ИНТЕРВЬЮ ГАЗЕТЕ «ГУМАНИТАРНЫЙ ФОНД»

Мы объявили войну постмодернизму. Во-первых, мы полностью распрощались со своим интеллектуальным прошлым. Мы хотим заниматься настоящим политическим искусством, типа “Окон РОСТА” Маяковского, то есть, искусством, которое было бы нужно народу. Почему мы так оппозиционно относимся к западным творческим концепциям: при пересадке на нашу почву они уже не имеют никакой связи с тем, что происходит здесь. Прежде всего, мы будем сторонне относиться к любым идеологиям, но будем делать политический фильм, который будет отвечать одной из выбранных нами идеологий. То есть, мы можем быть за “Память”, можем быть против “Памяти”, за коммунизм или против коммунизма, и всякий раз, снимая эти фильмы, мы будем в них верить. То есть, если мы сделаем фильм против евреев — мы поверим, что евреи виноваты. Кроме того, будем выбрасывать в социум различные фетиши. Сейчас готовится фильм против коммунистов, который будет задавать разные вопросы: начиная с того, почему нет в стране колбасы и кончая вопросом, почему у нас такое правительство. Причем без всякой иронии — это будет нормальное политическое искусство. Зрительный ряд, который мы хотим построить, будет достаточно специфическим. Сейчас

То есть, не только идеология, но любая эстетическая система, она, как мне кажется, только тогда действительна, когда написана красивыми фразами. Именно через бред можно въехать в любую идеологию. Фраза из нашей книги: “Бред — вот единственная гарантия того, что твоя речь завербует надежных сторонников”.

— А что это за книга?

— Это “РРР” — мы некоторые выдержки читали оттуда. Книга никому не нравится, в основном всех шокирует. Здесь много проповедей насилия и т.п.

— А кто автор?

— Я и Дима Пименов.

... Когда я провожу акции и бью тому же Друку или Иртеневу морду, я считаю, что это создание культурной ситуации. Они этого не понимают. Я создаю культурную ситуацию, то есть даю пищу для языков.

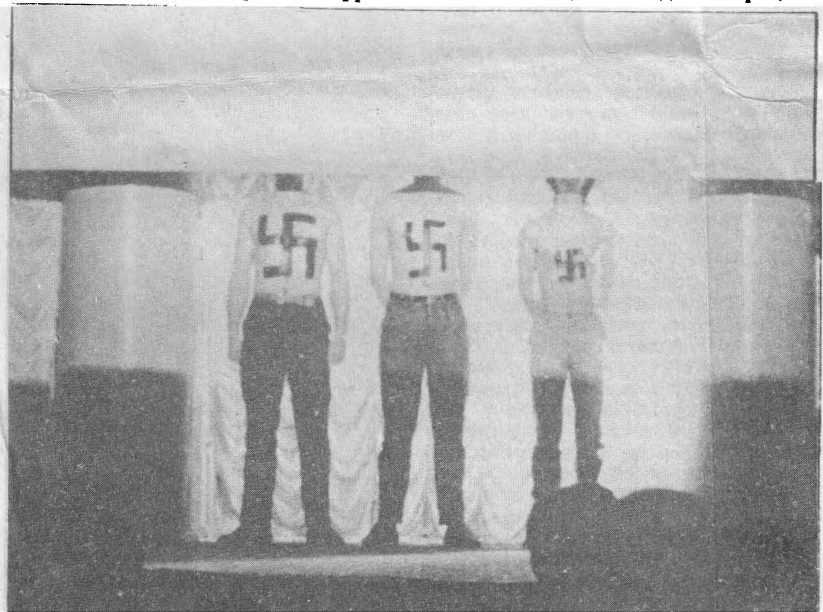
Об акциях. Расскажу лишь о двух: второй и последней (двенадцатой).

На фильме Ф.Трюффо «400 ударов» была объявлена акция «Детский либид», но удивленные зрители не увидели никакого действия, только во время сеанса два раза прерывался фильм Трюффо. Большинство непосвященных восприняли это как технические неполадки, однако все было гораздо сложнее. Дело в том, что в тот момент, когда кинемеханик выключил аппарат, в зал входил молодой человек, представляющий собой самоценный эстетический объект (он занимался искусством присутствия). Этот молодой человек заходил в зал, где сидела девушка, которую он любил (она не подозревала о его страсти) и те несколько минут, пока оставался включенным свет в зале, предавался любовным фантазиям. После того, как кинопроекторный аппарат включался, он незаметно выходил из зала. Неудовлетворенный зритель требовал действия, но действие проходило только в голове у главного героя (влюбленного молодого человека).

Последняя акция: «Дословный показ мод в 1990 году» (в народе: «Армагеддон») участвовали: два боксера, девять актеров, медведь, человек на лыжах, человек на велосипеде.

В конце фильма Л.Маля «Зази в метро», когда в кадре происходит веселый дебош в маленьком ресторанчике, на сцену выходят люди — начинается светский раут, резко переходящий в сладкое побоище. Не буду описывать, как происходила драка, в прессе достаточно ярко описано это действо, — раскрою лишь концептуальный замысел акции. Концепция: модель студенческой революции в мае 1968 года в Париже. Балаган, драки, сюрреалистические выкрики (типа: кругом одни окна и я не знаю, куда бегут мои глаза) должны были создать некую культурную атмосферу, когда чувство вседозволенности побеждает и инстинкты выплескиваются наружу.

Зрители это быстро поняли и активно включились в процесс: в зале то там, то здесь возникали незапланированные драки, летели скомканые газеты, раздавались крики. Жаль только, что администрация



АКЦИЯ “ЛОКАЛЬНЫЙ ФАШИЗМ”



КАДР ИЗ ФИЛЬМА ГОДАРА “АЛЬФАВИЛЬ”



АКЦИЯ “ДОСЛОВНЫМ ПОКАЗ МОД В 1990 ГОДУ”

ЦДМ вставляла нам палки в колеса, ведь, запланировано было гораздо больше, чем осуществилось на деле (представьте: открывается окно, въезжает люлька аварийной машины, с которой человек в нацистской форме толкает речь на немецком языке (я должен был играть роль нациста))...

Так или иначе, но оргазм выплеснулся за пределы ЦДМ и мне при-

шлось продолжить действие в Тупшинском районе, где два местных гопника попросили у меня прикурить, о чем они впоследствии очень пожалели. Такое развитие сюжета показывает, что название акции придумано не случайно.

Жан-Люк Годар.

КАДР ИЗ ФИЛЬМА ГОДАРА “АЛЬФАВИЛЬ”



ФОТО А. КУРОВА

ГИВИ КОРДИАШВИЛИ

ФОТО Г. КИЗЕВАЛЬТЕРА

## ИСТОРИЯ «КОЛЛЕКТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ»

НАЧАЛО В N 3



"ШАР". 1977.

Ближе к лету Мона и Георгий решили написать письмо Кейджу. Долго рядили, долго мудрили, наконец — отправили. А однажды летом, когда Андрея не было дома, его мать достала из почтового ящика какое-то письмо "из заграницы", тщательно его изорвала и отправила в мусорное ведро. Как выяснилось, это было ответное письмо Кейджа, и удрученный Мона долго наклеивал на лист бумаги драгоценные клочки. Два три кусочка найти не удалось, но все же письмо было прочитано, написано новое — с предложением выслать Кейджу образцы русских грибов, — и отправлено. На этом, впрочем, переписка закончилась. (. . .)

Потом начались хлопоты с квартирными выставками: все пытались объединиться, чтобы... разделить на фракции и группировки, — дабы не выставляться в "дурной компании". Наши друзья притащили свои работы на Ленинский: "и долго звонили бокалы, и водка рекою лилась". Там уже "висели" Бруни, Юликов, Рощаль-Донской-Скерсис, Лебедев... Шуму, короче, было много, а вот толку, пожалуй, мало. Если, конечно, считать "толком" ответно-вынужденное шевеление в Горкоме, то... А впрочем, какой здесь вообще может быть толк? /.../

Осенью Алексеев, написавший за весну — лето двенадцать стилизованных метровых картин и сшивший их в одно полотно с помощью Маша, решил сделать работу "Палатка". Несмотря на то, что это была целиком и полностью его идея и работа, он предложил Монастырскому и Кизевальтеру провести ее как групповую. Вот этот момент — если смотреть из 83-го года — очень важен: здесь проявляется т.н. групповое сознание, ощущение группы, хотя слово это само по себе употреблялось тогда ее членами крайне редко. Не было еще ни названия, ни слова "акция"; предпочитали говорить "постановка", "перформанс" (реже), и, совсем абстрактно, "вещь" и "работа".

...Коля Панитков, великий мистик, теоретик и балагур, предложил друзьям сделать "Палатку" у

него на даче. Отправились туда, кроме наших постоянных героев, Вера Митурич-Хлебникова, Маша, Наташа Шибанова и общий приятель немец Штеффен Андре, прекраснейший человек. (. . .)

Вера с Андреем поженились. Маша Константинова была этим почему-то очень недовольна, но, так или иначе, Андрей выменял себе у брата на фунт изюма квартиру, и они с Верой стали жить теперь на ВДНХ, на улице Цандера.

У Монастырского это была уже четвертая жена. Однако это вовсе не означало, что Мона был легкомысленным или непостоянным человеком. Напротив, он всегда всей душой старался привязаться к очередной жене и любил ее, как мог, но судьба, увы, была к нему неблагоприятна: женщины, от природы своей, как утверждают специалисты, чрезвычайно ревнивые, не прощали ему увлечения искусством, — хотя, казалось бы, кому как не женщинам носить Мону на руках, и кому как не Моне страстно увлекаться прекрасным полом!

Гораздо более легкомысленное впечатление производил Кизевальтер, то и дело приводивший в компанию разных девушек, которые исчезали в неизвестном направлении через одну-две недели. Это пагубно отражалось на личном творчестве Георгия — он был пассивен и инертен. Правда, он немного занимался спортом, фотографией и рекламировал на улицах Никиту: он носил на плече сумку с надписью большими цветными буквами — "Никита Алексеев". /.../

Наступило лето 77-го. К тому времени уже были проведены постановки (?) "Лозунг-77", забракованный "Вишневый сад" и "Шар". "Шар" был, конечно, титаническим трудом, и дал его основателям незабываемое моральное и эстетическое удовлетворение. Впрочем, обо всем этом немало написано в газетах и журналах... Не было написано еще только об одном: что эта работа — единственная, в которой результат получился явно незапрограммирован, т.е. — не то, чего хотели "Коллективные действия". А они к тому времени при-

выкли получать всегда то, что им хочется, и потому они умели иногда очень сильно хотеть. Впрочем, в другое время они не хотели ничего определенного, и потому не обижались, если у них ничего и не получалось.

...Так вот, летом 77-го Кизевальтер окончил свой институт и должен был поехать по распределению в далекую и страшную Якутию. Конечно, на первый взгляд любому разумному человеку это показалось бы ужасным, но Георгий был странным и неразумным человеком: ему постоянно нужна была встряска. Ему почему-то все надоело в Москве; он всех ругал и обзывал художественную ситуацию в Москве "кислыми шами". Вот почему он даже хотел уехать. Он мечтал, наверное, увидеть в Якутии небо в алмазах. /.../

И он уехал. Мона и Никита плакать особенно не стали. Не такие они были ребята. Они были мужественные и стойкие. И с ними теперь постоянно был Коля, крепкий и умный парень. Он вполне мог заменить Георгия. Так что плакать было не о чем. Кроме того, Моне было некогда плакать: у него родилась дочка Машенька.

Георгию устроили проводы у Маша Константиновой. /.../

И он уехал. /.../

В Якутии Кизевальтер пробыл три года. Сначала он жил в поселке Нюрба на реке Вилюе, потом еще в одном поселке, где не было уже ни однорусского, а потом в городе Мирном, где почти не было якутов. Он писал всем письма, рисовал картинку на вольные темы и учил местных детей английскому языку. Однажды Георгий даже повесил на берегу Вилюя при  $T^{\circ} - 38^{\circ}$  между деревьями электрический фонарик с воздушными шариками — так он поддерживал акцию "Фонарь", проведенную под Москвой его друзьями.

Андрей и Никита тоже писали ему длинные-предлинные письма. Так они поддерживали Георгия — ему всегда было очень тоскливо и одиноко. Как видите, тогда они все поддерживали друг друга.

Иногда письма были просто прекрасные. Вот что говорилось в одном из них:

Милый Гоголя!

Не могу удержаться, чтобы не рассказать тебе сегодняшнего анекдота, который произошел в мастерской Кабака (иначе лопну от смеха), хотя, может быть, не был там, и не смешно покажется. Пошли мы к нему — я, Никита, Коля, Вера, Маша, Маша из Кясмю и еще девочка Лия — обрати внимание именно на это присутствие подавляющего числа женщин в нашей компании. Итак, мы все уселись на диване, и Кабак стал показывать нам свой альбом "Эпос" (из новой серии). Начинается он с пустых серых листов — штук десять, по крайней мере (заметь, что наивно начинать альбом, который называется "Эпос", с пустых листов), — все с глубокомысленным видом вперилась в эти пустые листы, перелюбовываемые глубокомысленным Кабаком — это было страшно смешно (с оттенком сумасшествия), но самое интересное, что по мере того, как он переворачивал, у него расстегнулись штаны (молния на ширинке), и он стоял перед нами, как на сцене, с расстегнутыми штанами, умно комментируя умную вещь — но дальше еще смешнее: в таком же виде, т.е. с расстегнутыми штанами он стал показывать следующий альбом с самоуничтожительным содержанием (надписи под картинками типа "я — подлец", "я — мразь" и т.п.). Едва высидев этот альбом, внутренне задыхаясь от истерического смеха, я пошел в другую часть мастерской и стал как бы разглядывать его новые картины — вдруг Кабак подходит ко мне — все с расстегнутыми штанами! — и спрашивает, как, мол, не показался ли мне его ЭКСГИБИЦИОНИЗМ в просмотренном альбоме чрезмерным и нарушающим перцептивно-эстетический контекст всей серии! — Поверишь ли, с расстегнутыми штанами он употребил именно слово "эксгибиционизм"!!!

Это было ужасно, нестерпимо смешно, сказать-то неудобно: мол, штаны застегните — при девочках-то! Ужас! Так весь вечер (он еще показывал слайды) и прошел с расстегнутыми штанами, — заметил он это только когда пошел провозжать нас: застеснялся, конечно...

Одним словом, если бы весь этот анекдот не был бы столь символическим, не стоило бы и рассказывать, — но в таком контексте это было черт знает что!

А.М. 19.1.78.

Или-вот:



И.КАБАКОВ В МАСТЕРСКОЙ. 1983.

...Для Никиты придумали: я и Коля встречаем Никиту в лесу, встаем по обе стороны от него, вплотную, и говорим: сейчас мы все вместе побегим, а когда я и Коля разбежимся в стороны, ты, Никита, продолжай бежать прямо — один. И вот мы бежим по лесу, выбегаем из леса, и разбегаемся в стороны от Никиты в 3-4 метрах от бумажного мостика через р. Борю, причем Никита увидит этот мост только подбежав близко к нему (так подберем местность). Причем тут надо знать, что год назад Никита мечтал сделать почти такую же свою акцию, — т.е. он строит бумажный мост, разбегаются, прыгает на него и проваливается в воду. И так Никита, увидев мост и вспомнив о своей идее, взбегает или прыгает на него с уверенностью, что провалится в воду, прорвав бумагу. — Не тут-то было! Под бумажным мостом мы построим невидимый деревянный из длинной лестницы и фанерных щитов. Думаю, что это будет для Никиты впечатляющей неожиданностью. Как тебе

кажется? (твердую основу под бумажным мостом придумал Коля)..."

И Георгий очень радовался таким письмам. И сам старался писать не хуже. Но при всем при том, он занимался в Якутии тем, что копил деньги. /.../

А в Москве жизнь текла своим чередом. Кто-то уезжал, на смену им появлялись новые люди, потом они исчезали, и вновь появлялись. "Иных уж нет, а те уже далече..."

Появились "Мухоморы", славный молодой коллектив с пока еще неопределенными задачами — братья Мироненко, Свен Гундлах, Костя Звездочетов и таинственный Алексис Каменский. В этой связи Мона немедленно придумал акцию "Близнецы", но Коля с Никитой почему-то заартачились и отказались ее делать. Это был новый и странный сигнал об изменении отношений внутри группы: в сознании 25-м кадром промелькнуло слово "рутина".

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.



"КОМЕДИЯ!" 1977.



III-И ВАРИАНТ. 1978.